

ПУТЕШЕСТВИЯ А. С. НОРОВА

С.-Петербург. 1854

Пять томов: томы I и II. Путешествие по Египту и Нубии, издание второе; томы III и IV. Путешествие по святой земле, издание третье, дополненное; том V. Путешествие к Семи Церквам, упоминаемым в Апокалипсисе, издание второе¹.

Старинная русская литература была богата сказаниями о путешествиях по святой земле: от Даниила, русской земли игумена, до Арсения Суханова и Андрея, в монашестве Аарона, Игнатьева, идет непрерывный ряд паломников, описывавших свои хождения в назидание и душевное спасение благочестивым читателям. Многочисленность списков, в которых дошли до нас важнейшие из этих повествований, доказывает, что они были любимым чтением наших набожных предков. Иначе и быть не могло при общей благоговейной ревности к святым местам палестинским, которою всегда был проникнут русский народ. Всякий, кто мог, шел поклониться гробу господню; и надобно думать, что число таких благочестивых путников было очень велико еще в XII веке. В «вопрошаниях» Кирика Нифонт, епископ новгородский, говорит о клятвенных обещаниях посетить святую землю, как о самом распространенном обычае между православными своей паствы. Подобным образом выражается и Даниил игумен в предисловии к своему сказанию (мнози ходивше святых сих мест и видевше святыи град Иерусалим). Кому бог не дал этого счастья, для тех отрадою было читать и слушать рассказы паломников, пользовавшихся особенным уважением за свой подвиг, как видим из того же предисловия Даниила игумена.

Ревность к посещению святой земли, набожное усердие читать ее описания, слушать рассказы о ней — не ослабевали в православных в течение двух последних столетий. Напротив, никогда число набожных паломников не было так велико и едва ли когда-нибудь повествования их слушались с большим любопытством, с живейшею любовью. Но, по стечению обстоятельств, которое на первый раз может показаться загадочным, прошло более века

прежде, нежели эта отрасль литературы, так сильно интересовавшая русский народ, достигла развития, вполне соответствующего общему развитию русской литературы. В самом деле, какие новые сказания о святой земле мы видим до тридцатых годов текущего столетия? «Дневные записки путешествия в Сирию и к достопамятным местам, в пределах Иерусалима находящимся» Сергея Плещеева (С. Петербург, 1773 г.) чрезвычайно кратки и не представляют ничего замечательного, хотя от автора, литературная деятельность которого обращена была на географические труды*, можно было бы ожидать сочинения обширного и очень хорошего. Иеромонах Саровской общежительной пустыни Мелетий в «Путешествии во Иерусалим» (Москва, 1798 г.) описывает святые места довольно подробно; но его книга — компиляция из прежних путешествий, уж бывших известными русской публике. Еще менее замечательны небольшие книжки, изданные Вешняковыми и Новиковым и Кирием Бронниковым**; единственным достоинством того и другого сочинения может назваться простота изложения, доходящая, однако, до сухости. Все книги, нами перечисленные, не пользовались даже в свое время ни малейшею известностью и нисколько не могли заменить старинных путевых записок Григоровича Барского Плаки-Альбова, которые пользовались нераздельным уважением любознательных и набожных читателей и имели не менее шести изданий***. Эта книга, отличающаяся несомненными достоинствами, заслуживает, чтоб сказать о ней несколько слов.

Григорович в начале своего «Путешествия» рассказывает, что учился в киевской академии, где дошел до «начал философских», несмотря на советы отца оставить науки, которые ведут единственно к «излишнему прению, славолюбию, гордости, зависти»; мать защищала любознательного юношу, имевшего к науке «непреодолимую естественную склонность и охоту». Около двадцати

* Плещеев, Сергей Иванович, написал «Обозрение Российской империи в нынешнем ее новоустроенном состоянии», сочинение, имевшее не менее трех изданий, и перевел «Путешествие английского лорда Балтимора из Константинополя через Румелию, Болгарию, Молдавию и пр. в Лондон» — книга, также имевшая два издания.

** «Путевые записки во святейший град Иерусалим и в окрестности оного, Калужской губернии дворян Вешняковых (Ивана и Василия) и мядынского купца Новикова в 1804 и 1805 годах». Москва, 1813. — «Путешествие к святым местам, находящимся в Европе, Азии и Африке, совершенное в 1820 и 1821 годах села Павлова жителем Кирием Бронниковым». Москва, 1824.

*** «Пешеходца Василия Григорьевича Барского Плаки-Альбова, уроженца киевского, монаха Антиохийского, путешествие к святым местам, в Европе, Азии и Африке находящимся, предпринятое в 1723 и оконченное в 1747 году». Две части. Первое издание, С.-Петербург, 1778 года; 6-е издание, С.-Петербург, 1819. В 1847 году было напечатано извлечение, под заглавием: «Путешествие в Иерусалим Василия Григорьевича Барского». Москва, в типогр. Евреина.

лет ему было, когда болезнь в ноге принудила его оставить академию. Один из киевских студентов, Липицкий, «отъезжал тогда в Польшу до града Львова, ради совершения высших наук; тому поревновав, возжелал я отъехать с ним, тояжде ради вины, наипаче же ради исцеления ноги моей, слышал бо яко тамо искусные обретаются врачи». В бембергской школе пробыл Григорович недолго, постоянно подвергаясь гонениям от униатов за свое православие. Отчасти, чтоб избежать этих неприятностей, отчасти, чтоб «постранствовать по чужим землям и видеть иных людей обычаи», вздумал он итти в Рим. Во время этого путешествия постепенно развилась у него мысль поклониться сначала святым местам греческим, потом и палестинским. Таким образом, посетив Солунь, Афонскую гору, Иерусалим, Каир, по возвращении из Египта во второй раз обошед всю Палестину и Сирию, он поступил в трипольское училище, где оставался несколько лет; путешествовал по Архипелагу и прожил шесть лет в монастыре на острове Патмосе, потом несколько лет в Константинополе; наконец, обозрев снова афонские монастыри, возвратился через Болгарию, Молдавию и Польшу на родину, где хотел привести в порядок и приготовить к изданию свои путевые записки; но, как говорит издатель, «пожив только 35 дней в отеческом доме, быв болен опухолью ног», скончался на 46-м году. Скоро его записки, хотя не приведенные в окончательный порядок, распространились по Малороссии во множестве списков. Преосвященный Симон Тидорский, потом граф А. Г. Разумовский и Амвросий, архиепископ московский, хотели издать книгу, которою так интересовались все набожные читатели, но и сами скончались вскоре после того, как начинали готовить ее к печати, не успев исполнить своего намерения. Наконец, князь Потемкин, «ведая совершенную пользу и надобность оныя для общества», поручил издание тогдашнему литератору Рубану, который пополнил записки Барского примечаниями, впрочем немногочисленными и неважными, и, «оставив слог таковым, как был у автора, то есть славенороссийским, исключая некоторых польских и малороссийских слов, которые пременяемы на употребительные были, что и сам сочинитель без сомнения учинил бы, если б жизнь его продолжилась, ибо он имел намерение к исправлению всего путешествия».

Василий Григорович — путешественник наблюдательный и любящий подробно описывать все виденное; потому записки его, особенно первый том (второй почти весь посвящен описанию афонских монастырей, монотонному и довольно утомительному), представляют чтение разнообразное и занимательное, тем более, что, путешествуя по большей части пешком и Христа-ради, он испытывал много приключений, придающих иногда живой драматизм рассказу. Но часто также его записки, которых не успел он пересмотреть и исправить, бывают растянуты и заключают в себе повторения. Славенороссийский язык их также делает чте-

ние тяжелым для людей, привыкших к новому языку Ломоносова. Вообще, вся книга по своему характеру принадлежит еще литературе старинной Руси, и даже в прошедшем веке могла быть читаема большинством только по решительному недостатку удовольворительных сочинений, писанных сообразно развитию вкуса и образованности.

Настоятельная потребность образованной публики заставила прибегнуть к переводам, которых явилось много. Так, сам Рубаң, издатель Григоровича, перевел с латинского «Посетитель и описатель святых мест, в трех частях света состоящих, или путешествие Мартына Баумгартена в Египет, Аравию, Палестину и Сирию», 3 части (С.-Петербург, 1794). Путешествие в Иерусалим Шатобриана было переведено даже два раза*; также переведены были сочинения Мишò, Пужула, Корнеля и некоторых других путешественников. Но все они едва ли даже не менее записок Григоровича могли удовлетворять русского читателя. Если какая-нибудь страна должна быть непременно описана для нас соотечественником и единоверцем, то именно святая земля; это не нуждается в объяснениях; потому ни одно из переводных путешествий не нашло себе доступа к русской публике, ни одно не могло прийти по-сердцу русскому читателю. Жажда читать о гробе господнем, о святой земле оставалась попрежнему ни-сколько не удовлетворенною.

Таково было положение дела, когда, в непродолжительный период времени, явились два сочинения, оба написанные красноречиво, но существенно различающиеся между собою по характеру содержания и по обширности взгляда авторов их. Первым, по времени появления, было «Путешествие по святым местам» А. Н. Муравьева (Спб. 1832); вскоре русская публика еще с бóльшим сочувствием прочла «Путешествие по святой земле» (Спб. 1838) и «Путешествие по Египту и Нубии», служащее дополнением к «Путешествию по святой земле» (Спб. 1840 г.) А. С. Норова. Существенное различие между этими сочинениями можно обозначить вернее всего так: «Путешествие к святым местам» было прочитано с удовольствием, как отчет в благочестивых впечатлениях образованного русского писателя, возвышающегося часто в благоговении своем до истинного красноречия; «Путешествие по святой земле» и «Путешествие по Египту и Нубии», отличаясь теми же достоинствами, тем же красноречием, тем же благочестивым одушевлением, заняли, сверх того, почетное место в ученом отношении между всеми сочинениями по этому предмету, как произведения равно благочестивого и ученого исследователя-путешественника, коротко знакомого со всеми изысканиями своих предшественников, как произведения исследова-

* Священником Иоанном Градианским, три части: С.-Петербург, 1815—1817; и князем Шаляковым, три части, Москва, 1815—1816.

теля, самостоятельноверяющего, объясняющего, дополняющего результаты, которых достигла наука. При всем высоком ученом значении своем «Путешествие по Египту и Нубии» и «Путешествие по святой земле», постоянно касаясь вопросов, имеющих самый живой интерес для всякого сколько-нибудь образованного читателя, излагая эти вопросы с тою ясностью, которая всегда бывает следствием светлого взгляда на предмет, постоянно оживляя археологические разыскания рассказами о дорожных впечатлениях, картинами природы и современных нравов, по единодушному отзыву были признаны сочинениями, равно интересными для ученого и неученого читателя, столь же занимательными и понятными для большинства публики, сколько важны они для историка, археолога и этнографа; ими были равно удовлетворены читатели, искавшие в них разъяснения специальных вопросов, остававшихся до того времени темными, и читатели, желавшие вообще познакомиться с странами, столь интересными и столь мало у нас известными; читатели, искавшие по преимуществу благочестивого, читатели, искавшие по преимуществу живого, и читатели, искавшие по преимуществу ученого рассказа о странах, из которых одна важна для нас, как колыбель древнейшей цивилизации, другая священна, как колыбель божественной веры.

«Путешествие по святой земле» было издано прежде «Путешествия по Египту и Нубии»; но сам автор, называя это последнее «введением» к первому, поместил его в первых томах издания; следуя такому порядку, указываемому автором, мы должны начать и наше обозрение с «Путешествия по Египту и Нубии».

Большая часть русских, посещавших святую землю, были также и в Нижнем Египте; но ни один из предшествовавших А. С. Норову русских путешественников, описавших свое паломничество, не плавал вверх по Нилу далее Каира; поэтому, отличаясь от всех прежних русских сочинений о Египте полнотою и ученостью описания Нижнего и Среднего Египта, «Путешествие по Египту и Нубии» было первою русскою книгою, в которой описывается Верхний Египет и Нубия; в нем в первый раз русские прочли рассказ русского путешественника о развалинах Фив, Элефантины, Ипсамбула и Филе. Точно так же это сочинение было первою русскою книгою, в которой сообщены, и не только сообщены, но пополнены результаты исследований французской ученой экспедиции, Шампольона и других египтологов. Чувство, увлекшее автора в продолжительное и трудное странствование, он сам объясняет так:

«Пройдя половину пути жизни, я узнал, что значит быть больным душою. Волнуемый каким-то внутренним беспокойством, я искал душевного приюта, жаждал утешений, нигде их не находил, и был в положении человека, потерявшего путь и бродящего ощупью в темноте леса. Мысль о путешествии в святую землю давно таилась во мне; я не чужд был любопытства

видеть блестящий Восток, но Иерусалим утвердил мою решимость; утешение лобызать следы спасителя мира на самых тех местах, где он совершил тайну искупления человечества, заставило меня превозмочь многие препятствия (предисловие к «Пут. по св. земле»).

Побуждаемый этою христианскою потребностью, благочестивый путешественник отправляется из Вены в Александрию. Ученые труды его ознаменовываются счастливыми результатами с самого первого шага в путь: в Триесте, верный классическим своим воспоминаниям, он открывает римскую надпись и срисовывает одежду поселян, сохранившую отпечаток древности; пользуясь несколькими днями, остающимися до отплытия корабля, который перевезет его в страну пирамид, он посещает Венецию и Аквилю. Строго соблюдая правило, принятое в самом начале и сообщающее такую свежесть рассказу, — «избегать, сколько возможно, описаний, повторяемых во всех путешествиях» (предисл. к «Путешествию по Египту и Нубии»), он не передает впечатлений, произведенных на него Венецией, «о которой уж так много известно читателю», но посвящает несколько интересных страниц «забытой всеми путешественниками» Аквиле, где находит древний, неизвестный до того времени жертвенник, на котором написано имя Герения, друга Цицерона. Предания классической древности сопровождают его в плавании вдоль итальянских и греческих берегов; но вот и песчаное побережье Египта.

«Первые воспоминания, пробудившиеся во мне, были библейские, — как бы невольно вылетело из уст моих: *из Египта возвах сына моего!* Тут колоссальный образ Моисея, с распростертыми дланями над народом израильским, предстал моему воображению» («Пут. по Ег.» I, 31).

Александрия производит унылое впечатление своим нынешним некрасивым видом, своими некогда чудными, теперь искаженными рукою невежд развалинами; «но (говорит благочестивый автор) ни обелиск Клеопатры, ни колонна Помпеева не обращали столько моего внимания в Александрии, как тот малый остров, откуда свет божественного писания, столь долго таившийся в земле обетованной, разлился по всему миру», где совершен был перевод священных книг семьдесятю толковниками. И при этом случае, основываясь на положительном свидетельстве Иосифа Флавия, говорящего, что жилище для переводчиков было назначено на острове, автор исправляет ошибку ученой французской комиссии, которая полагала, что место, где переведена библия, находилось на твердой земле (I, 44). Потом, рассказав историю христианства в Александрии, он переходит к описанию так называемой Помпеевой колонны, и, опровергая мнение, будто бы это памятник Диоклетиану, признает вероятнейшим, что колонна воздвигнута в память основателю города, Александру Македонскому. За обозрением развалин следует интересная глава о нынешней торговле Александрии и о египетском флоте. Другая глава посвящена плаванию до Каира, развалинам Саиса, воспоминаниям

о монастырях и святых отшельниках, прославивших пустыню Среднего Египта. В Каире автор остается довольно долго, подробно обозревает его здания, различные учреждения Мехмеда-Али, находящиеся в городе и окрестностях, нравы жителей, рассказывает интересную историю Мехмеда-Али и объясняет систему орошений (стр. 100—198). Две следующие главы посвящены поездке к пирамидам. Исследование их внутренности, соображение различных мест у древних писателей приводит русского ученого к заключению, что обыкновенное предположение, будто бы пирамиды были надгробными памятниками фараонов, несправедливо; свое собственное мнение о их назначении автор высказывает так:

«Но к чему эти таинственные пути и галлерей? К чему этот сфинкс, стереущий подошвы пирамид? Теперь, когда я посетил храмы древнего Египта и Нубии, я вижу, что сфинксы не воздвигались египтянами иначе, как у преддверия храмов, а не у гробниц; Плутарх говорит определенно, что: «Сфинксы ставились обыкновенно перед храмами: египтяне выражали ими свою символическую феоноию» (de Iside, § 9). Из этого, мне кажется, само собою обнаруживается, что пирамиды хотя и заключали в себе прах их первых основателей, но, вместе с тем, они служили как бы храмом для некоторых религиозных таинств, о которых нам остались темные предания в древних писателях. Пирамиды в Мерое имеют при входе их пристроенные пилоны, как у храмов... Скажем также, что едва ли не из-под сфинкса надобно искать путей во внутренность пирамид; даже символический образ сфинкса представляет много поводов к таким догадкам в стране, исполненной глубоких символов» (I, 216—218).

«На конце ее (горизонтальной галлерей второй пирамиды) находится так называемая погребальная комната. Тут найден был вскрытый уже саркофаг с остатками костей. Эти кости были впоследствии исследованы в Лондоне, и оказалось, что они не человечески, а бычачьи; если это правда, — вот еще довод, что так называемые погребальные комнаты царей и цариц не суть их настоящее место погребения — и по этому обстоятельству невольно представляется мысли поклонение египтян быку Апису» (I, 223).

В журнальной статье невозможно представить многих других глубоких соображений ученого путешественника (например, о Меридовом Озере, о гигиеническом основании бальзамирования, как предохранительного средства против чумы, порождаемой гниением трупов, и проч.); но не можем не представить следующего его открытия, свидетельствующего о том, как справедливо заметил он в предисловии: «единственный светоч в истории первобытной есть библия», и служащего одним из многочисленных примеров того, с каким успехом он «старался постоянно руководствоваться ее указаниями» (Предисл. к «Пут. по Египту».).

«Из числа разрушенных пирамид (Дашура и Сахары)... одна, менее разрушенная и более приближенная к Нилу, обратила мое особенное внимание. Эта пирамида была воздвигнута не из камней, а из необожженных кирпичей. Кирпичи, имеющие вершков по семи в длину, делались из прибрежного илу, в который, для связи, клали солому, и потом они сушились на солнце: вот образец плинфodelания египтян, на которое употреблялись израильтяне, как повествует библия: «И заповедал фараон приставникам, и сказал: не давайте теперь соломы народу для делания кирпича, пусть сами идут

и собирают соломой. И разошелся народ по всей земле Египетской собирать тростник для соломой. Здесь сказано: *тростник для соломой*. Это обстоятельство должно присовокупить к многочисленным доводам, что главные работы израильские производились в самой Дельте, где при устьях Нила такое изобилие в тростнике, меж тем как ниже Дельты он прекращается... Заметим также, что израильтяне употреблены были, большею частью, для строения городов, а не пирамид, как иные думают. Со всем тем израильтяне могли быть также употреблены на работах в Мемфисе, и эта пирамида, быть может, есть остаток рабства израильтян (Иосиф Флавий приписывает сооружение некоторых пирамид израильтянам. Antiqu. II, 5). Я взял с собою один из этих кирпичей, современный Моисею» I, 236—238).

Пирамиды и развалины Мемфиса естественным образом приводят автора к обозрению истории первобытного Египта. Как одно из многих объяснений, которые сообщает здесь русский исследователь, на основании библейских свидетельств исправляя и пополняя мнения своих предшественников, приведем его решение столь затруднявшего ученых вопроса о том, кто были царипастыри (Гиксосы), покорявшие Египет:

«Мы видим из библии, что когда династия коренных египетских фараонов низвергла его пастырей, то новый фараон, который, по словам Книги Исхода, не знал Иосифа, бывшего при фараоне пастырской династии, имел главною целью освободиться от населения израильского в земле Гесем. Вот речь его: «Приндите убо, прехитрим их, да не когда умножатся, и егда аще приключится нам брань, приложатся и сии к супостатом». Страх, выраженный здесь, напоминает слова Исаии: «И будет страна иудейска в страх египтянам». Из приведенных слов явствует, что находившие на Египет народы были из одной страны с израильтянами, и, вероятно, те, кои после названы филистимлянами, которых физическое преимущество не только раз означено в библии; но, конечно, не скифы, как сказал Шамполион, основываясь на одном созвучии прочтенного им в иероглифах имени. Притом же и Манефоон, говоря о XVII династии пастырей, прибавляет: «они были братья финикиян». В подтверждение наших предположений заметим весьма важное обстоятельство, что доселе жители Верхнего Египта и Нубии выводят свое происхождение из Востока, который они называют Шерк. Но всего поразительнее то, что арабский писатель Бен-Аяс, в своей Космографии, именно говорит, что берберы или нубийцы производят себя от царя Голиафа, т. е. от филистимляна. Даже в Иродоте название пастуха Филитиса может приводить к некоторым догадкам, что построение пирамид принадлежит не египтянам, а народам чужеземным. Зодчество этих громад не имеет отпечатка зодчества египетского; — пирамиды, по нашему мнению, суть подражание первым диким памятникам мира, каковы: столп Вавилонский или башня Белуса. Иродот и Страбон говорят, что эта башня имела вид пирамид: а в отрывке из Берозия мы читаем, что Небуласар, отец Навуходоносора, нагромоздил гору из необычайной величины камней. Мы находим еще другую вероятную причину к таковому мнению по одному месту Манефона. Он говорит, что нахлынувшие на Египет пастыри (Гиксосы) разрушили все города и храмы египетские. Шамполион прибавляет, что ни одно из великих зданий Египта не было пощажено. Хотя трудно разрушить большие пирамиды, но... пастыри не пощадили бы по крайней мере их наружности, напротив того, они сохранили их, может быть, как памятники своих родных племен. Если же нам возразят, что египетский фараон Мерис воздвигнул пирамиду на озере своего имени, то мы можем ответить, что по прошествии тысячи лет от построения первой пирамиды египтяне могли забыть о ненависти их предков к пастырям и подражать этому роду зданий» (I, 269—272).

Если б мы могли представить здесь все замечательные соображения, которыми автор проливает свет на египетскую историю и в особенности на те факты, которыми соприкасается она с еврейскою, мы должны были бы переписать всю главу. Упомянем, по крайней мере, о предположении ученого автора касательно времени образования дельты; относя его к доисторическому периоду, он думает (и эта гипотеза теперь оправдывается), что цивилизация перешла из Нижнего в Верхний Египет, а не наоборот, как обыкновенно думали; далее: доказательства его, что столицею фараонов в эпоху Моисея был Цаон, а не Мемфис — мысль, также после него принятая в науке, что увидим ниже; определение местности земли Гесем; мнение, также принятое ныне учеными, об исходной точке путешествия израильтян, которое рассмотрим ниже; наконец, доказательства, что Но-Аммон — не Фивы (Диосполь Великий), а Диосполь Малый, в Нижнем Египте, и множество других объяснений, равно справедливых и важных. Через Гелиополис автор возвращается в Каир и, окончив описание его, приступает к подробному статистическому обозрению Египта (главы XVIII—XXIII), чем и заключается первый том. Второй посвящен путешествию в Верхний Египет и Нубию, до больших порогов Нила. В этом плавании, первом, описанном русским ученым, прежде всего встречается автор пустыни, прославленные святыми отшельниками фиваидскими, потом знаменитые гипогей Бени-Гасана (II, 17—25). Путевые приключения, картины природы, наблюдения над крокодилом и бегемотом, краткие обозрения развалин египетских городов и христианских монастырей быстро сменяются, пока, на десятый день плавания, путешественник достигает Фив, описанию которых посвящено семь глав (V—IX и, на возвратном пути, XX—XXI). Мы не можем следить за ученым автором по всем памятникам этого «первенца городов, великолепнейшего под солнцем», но должны представить, хотя в извлечении, описание последней группы, им обозреваемой, развалин Карнака, в которых наш автор открыл даже после Шампольона много нового и важного:

«Вступим между двумя пирамидами в гигантские ворота. С первым взглядом во внутренность воображение самое холодное приводится в смущение невиданными дотоле массами колонн и пиластров, то цельных, то разрушенных; но оно уже испугано, завидя прилежащую к этому огромному перистиллю храмину с необъятным множеством столпов, которых создание превышает силы народа, самого могущественного.

Hanc posuisse deos! должно воскликнуть с Саназаром.

Сойдите теперь в этот перистиль. Из груд самых драгоценнейших материалов, разбитых вдребезги обрушенными на них рядами колонн, которые загромождали всю площадь, высится одна необычайная колонна в гигантской прелести с своею лотосовою капителью. Но завиденная вами храмина все влечет вас к себе; вот ее колоссальные привратники — вы едва обращаете на них внимание и, вступив в преддверие, узнаете, что все виденные вами доселе здания, хотя б вы обошли весь земной шар, — игрушки перед этим столпотворением! Этот лес колонн, величины невообразимой — и где же?

внутри здания — повергает вас с первого раза в глубокую задумчивость о зодчих. Вы невольно спрашиваете, не исполнены ль библии, эти *человецы именинничи*, жившие несколько столетий, оставили здесь следы своего существования? Этих столпов, или, лучше сказать, скал, 136. Те 12 колонн, которые поддерживают среднюю часть храма, разрезывая его на два этажа, выше прочих. По сделанному расчислению, сто человек могут свободно поместиться на каждой капители этих колонн. Церковь св. Мартина, одна из самых больших в Лондоне, устается четыре раза в этой зале, имеющей 318 футов в длину и 159 ф. в ширину. Большая часть колонн в совершенной целости, другие же страшно наклонены с нависшими над ними громадами. Потолок состоит из каменных плит невероятной величины. Во всех этих зданиях нигде не употреблена известь и все держатся одним напором тяжестей.

Теперь представьте себе все эти громады стен и колонн одетыми сверху донизу резными картинами, с фигурами столь же гигантскими, как и зодчество.

Из картин, не описанных Шамполионом, мне показалась отличнее перед прочими картина на северной стене, изображающая бога Фота, начертавшего на древе жизни в третий раз имя Рамзеса II... и еще другая картина на западной стене: там представлен, в колоссальном виде, Аммон-Ра (которому был посвящен этот храм); он сидит на престоле; фараон подводит к нему, держа за руку, прекрасную женскую фигуру, которая изображает, как мы думаем, одну из Паллакид, т. е. дев высокого или царского рода, посвященных Аммону; небольшой рог на челе девы выражает, вероятно, это звание. За Аммоном стоит богиня Гатор (Венера). Это брачное торжество фараона.

Бродя долго по этому разрушению, я подошел нечаянно к остатку нижней стены исполинского Аммонова храма; — и как велико было мое удивление, когда я открыл на разбитой гранитной картине очень малого размера и от которой осталась только нижняя половина — изображение победителя, наступившего пятою на главу простертого под ним еврея. Народные черты лица израильтянина поразительно сходны... Подобное открытие Шамполиона тотчас заставило меня узнать в этом изображении библейское событие о нашествии фараона Сесака на Иерусалим. Важность этого дополнения к открытию Шамполиона заставила меня немедленно взяться за карандаш. Я со всевозможною верностью срисовал этот достопримечательный барельеф. Пред фараоном едва видны две фигуры: стоящая на коленях, а другая, как бы просящая пощады. Происходящая сцена изображена на *бари* или священной барке» (II, 126—132).

От Фив автор продолжает путь свой до больших нильских порогов, описывая развалины Элефантины, Филе, Ипсамбула и множества других древних городов, изображая нравы нубийцев и картины дикой и величественной природы их страны. Наконец, начертав на крайней точке своего пути, над пропастью, на стене скалы Эбшир, обращенной к родному северу:

Alme sol! possis nihil Russia Visere majus!

(О солнце! да не видишь ты величия равного величию России — примененные к родине стихи из *Carmen Saeculare*, Горация:

Alme sol...
Possis nihil urbe Roma
Visere majus!)

пускается в обратный путь. Снова осматривая во всей подробности развалины Ипсамбула, он открывает, при сличении Шамполь-

йона с Геродотом, эпоху и цель построения знаменитого ипсамбульского храма, видя в нем памятник побед Сезостриса в Эфиопии и опровергая ошибочное, основанное только на созвучии, сближение «Ипсамбул» и «Псамметих», предлагаемое Вилькинсоном и Риттером.

«Читая шамполионовы объяснения иероглифических картин Ипсамбула и заглянув в Иродота, мы приходим к заключению, что храм Ипсамбула создан Сезострисом в воспоминание опасностей, которые он избежал при покорении Эфиопии. Выпишем строки Иродота: «Из всех египетских царей один только Сезострис царствовал над Эфиопиею. Он соорудил каменные статуи перед храмом Вулкана в память избегнутых им опасностей» (Lib. II, § 110). То же самое говорит Диодор, определяя даже место побед Сезостриса: «в первой Эфиопии» (Lib. I, § 55), то есть в Нубии, между первыми и вторыми порогами Нила. Троглодиты именно названы у Страбона в числе народов, покоренных Сезострисом... Эти колоссы (стоящие перед храмом) суть истинные портреты Сезостриса: их лица совершенно сходны с лицом поверженного колосса Мемфийского, который был воздвигнут в память побед Сезостриса над эфиопами» (II, 233—236).

В Дакке описывает путешественник греческие надписи, неизвестные Летронну (II, 259—261), и, срисовав в Келабше интересный фреск, драгоценный, как памятник первых веков христианства, и изображающий торжество святой мученицы, преданной пламени (II, 271), прощается с Нубией, которая столько веков закрыта была от нас завесой тайны и которая, прибавим, так хорошо известна нам теперь, благодаря трудам таких ученых, как автор «Путешествия по Египту и Нубии». Обзорев Элетию, Эсне, вторично Фивы, Дендерах с его знаменитым зодиаком, который объясняет очень пронизательно, Абидус, монастырь Эль-Боххара, ученый путешественник достигает области Фаюм, которую подробно исследует в подтверждение своему мнению о протяжении Меридова Озера (пространство которого определяет он так, что вполне подтверждается основательность известий Геродота и Страбона), и, наконец, чрез Каир, Мансуру и Дамьят отправляется в Палестину.

Наш очерк, слишком краткий, и наши выписки, по необходимости, слишком малочисленные, могут, однакож, до некоторой степени показать, какую важность в ученом отношении имеет «Путешествие по Египту и Нубии»; не говорим уж о том, что автор вполне знакомит нас с важнейшими результатами открытий, сделанных новейшими учеными: мы видели, что на каждом шагу он исправляет и дополняет их собственными открытиями, собственными исследованиями. Мы ограничились указанием немногих примеров; если б мы захотели перечислить все, нам должно было бы по несколько раз ссылаться на каждую главу, почти на каждую страницу сочинения, классическое достоинство которого давно уж признано. Но неполный обзор наш был бы слишком односторонен, если б мы, обращая главное внимание на ученую важность книги, опустили из виду ее повествовательную

часть. Интересные путевые встречи, картины природы, изображенной с поэтическим одушевлением, личное знакомство с замечательнейшими людьми нового Египта, беседы с Мехмедом-Али и Ибрагимом, частые разговоры с Клот-беем, Солиманом-пашою и многими другими придают живую занимательность рассказу. Выпишем здесь по несколько строк из двух сцен, изображающих первые свидания путешественника с знаменитым вице-королем Египта и его храбрым сыном.

«По обширному крыльцу, слабо освещенному, мы вступили в аванзал и уже оттуда прямо вошли в диванную верховного паши. Посреди обнаженной комнаты стоял на полу огромный подсвечник, подобный нашим церковным паникадилам; в нем горели такие же огромные свечи, как наши местные, а в глубине комнаты довольно высокий диван занимал всю стену; никаких других мебели тут не было. Завидя нас в дверях, Мегмет-Али, сидевший поджав ноги в углу дивана, имея перед собою своего драгомана, тотчас встал, подошел к нам, приветствовал дружелюбно по обычаю восточному и пригласил нас сесть возле него, между тем как его первый министр Богос Бей и драгоман почтительно стояли против него.

Все мое внимание устремилось на маститую голову этого знаменитого человека, и я старался прочесть в чертах его лица бурную историю его жизни. Чело его, осененное белою обширною чалмою, и весь низ лица, покрытый широкою седою бородою, при малой подвижности физиогномии и телодвижений показывают сначала тихого и скромного старца; но быстрота серых его глаз, блистающих из-под насупленных седых бровей, и принужденная, хотя и тихая улыбка обнаруживают, после пристального рассмотрения, глубокую скрытность, стойкость, гениальный ум и наконец — истребителя Мамелюков. Я вглядывался в его физиогномию в продолжение церемонного процесса, когда подносили ему и нам шербет и трубки, которые мы приняли с обычными на Востоке приветствиями, обращенными к нему, приложив руку ко лбу и сердцу: он нам отвечал таким же образом. Первый вопрос его, мне сделанный, был о цели моего путешествия. Я отвечал ему, что я хаджи, едущий в Иерусалим. Мне показалось, что это его удивило, ибо он ожидал, что я ему скажу, что я приехал видеть возрождающийся под его рукою Египет. Но он продолжал речь в моем смысле... Вскоре более привлекательный для него разговор занял нас: я изъявил ему желание видеть во всех подробностях Египет, а он предлагал мне все нужные пособия... Мы провели более часа в любпытной беседе о его нововведениях, и я остался вполне довольным его необыкновенно ласковым приемом» (I, 105—108).

«Ибрагим-паша отправлялся в Сирию, по причине вновь возникших беспокойств; он не замедлил прибыть (в Дамьят). На другой же день поутру, узнав, что я желаю его видеть, он пригласил меня и принял запросто, в присутствии только одного драгомана. Ибрагим показался мне человеком лет за сорок пять; роста среднего; борода его очень мелкая; глаза серые и довольно быстрые, но без гениальности. Первое слово его было, что он меня, как человека военного, принимает по-походному; он спросил меня, где я был ранен, сказал мне, что читал подробное описание знаменитой кампании 1812 года; я, с своей стороны, начал ему говорить про его последнюю кампанию против турок, о сражении под Кониею, и сказал ему, что я везу с собою план его кампании, данный мне Солиманом-пашею. Наконец он мне объявил, что надеется встретить меня в Сен-Жан-д'Акре или в других местах Сирии; я сам коснулся имени этой крепости, взятие которой составляет один из лучших венков его; вспомнили Наполеона, и тут глаза его заблестали. «Да, воскликнул он, Наполеон не мог ее взять». Я не счел нужным говорить ему, что это сравнение не совсем правильно, к тому же нам поднесли шербет и трубки...» (II, 412—413).

Кроме всех исчисленных нами достоинств, «Путешествие по Египту и Нубии» замечательно статистическими сведениями о Египте, которые автор собрал из верных источников. Важнейшие изменения, происшедшие с 1835 года в положении страны, отмечены в дополнениях; потому что второе издание, ныне вышедшее, пересмотрено автором, как доказывает сличение его с прежним. Еще более пополнений находим в новом издании «Путешествия по святой земле»; сам автор называет его «дополненным» и говорит в предисловии:

«Приступив к третьему изданию моего Путешествия по святой земле, я старался сделать мою книгу достойнее того лестного приема, которым она была почтена. Мне приятно было видеть, что новейшие исследования ученых путешественников Робинсона и Смита, вполне достойные того внимания, которое обратили на них Англия и Германия, подтвердили сделанные мною изыскания библейских мест» (III, предислов. VI).

Подтверждением этих слов будет служить наш обзор, в котором обратим исключительно внимание на археологическую и повествовательную стороны сочинения, оставляя неприкосновенною чисто религиозную часть его, придающую, конечно, наибольшую привлекательность книге, но не подлежащую нашему разбору. Не можем, однако, не заметить следующих строк, показывающих общий характер сочинения и его достоинства:

«География и топография Палестины в применении к тексту священного писания были доселе мало объяснены очевидцами. Я имел отчасти целью облегчить в этом отношении чтение многих мест Ветхого и Нового заветов... Я тогда только пользовался указаниями путешественников, когда находил на месте их показания согласными с текстом библии. Библия есть вернейший путеводитель по святой земле, и я считаю себя счастливым, что по большей части имел при себе во время моего пути только одну библию» (III, предислов. VII—IX).

Действительно, если высокий христианский дух просвещал благочестивого автора во время путешествия по долине Нила, в которой по преимуществу видит он землю, освященную временным пребыванием спасителя, прославленную чудесами Моисея и подвигами Иосифа, эпиграфом к описанию которой служат ему слова Осии: «Из Египта воззвах сына моего», обзор развалин и иссохших каналов которой заключает он пророчеством Исаии: «И опустошит господь море египетское и возложит руку свою на реку духом высоким», — если в Египте, где так много других воспоминаний, направляло взор автора чувство христианина, то в земле народа божия, в стране, освященной жизнью и страданием спасителя мира, тем более должен проникнуться и проникается путник духом священного писания. Но, как и прежде, он с благочестием соединяет ученость и, основываясь на библии, пользуется всеми пособиями науки. Доказательство того представляют первые же страницы книги, заключающие в себе глубокомысленное и принятое после русского путешественника европейскими учеными определение точки исхода израильтян из Египта:

«Должно заметить, сколь ошибочно полагают путь израильтян из Египта от Мемфиса. Царь Давид обозначает (псал. LXXVII, 12 и 13) Цоан местом действий между Моисеем и фараоном египетским, а в книге Моисеевой этот путь начертан довольно подробно. Сперва объяснена причина, почему Моисей не повел израильтян прямым путем в землю обетованную. «Егда же отпусти фараон люди, не поведе их бог путем земли Филистимския, яко близъ быше, да не когда раскаются людие видевше рать, и возвратятся во Египет. И *обведе* бог люди путем, иже в пустыню к Черному морю». Далее: «воздвигше же сыны евреиски от Сокофа, ополчишася во Офоме при пустыни. И рече господь к Моисею: рцы сыном израилевым, и обратившися да ополчатся прямо придворию, *между Магдолом и между морем, прямо Веельсенфону*, пред ними ополчишися *при мори*... Прежде этого Моисей сказал фараону, что он пойдет на три дня в пустыню, для принесения там жертвы богу, — это есть расстояние от Цоана до Суэза; к тому же Моисей избрал этот путь с намерением, чтобы скрыть от фараона свое направление к Палестине (XIII, 17—18). Но путь из Мемфиса в Палестину чрез Суэйз есть путь прямой, который не соответствует тому *обводу* в пустыню к Черному морю, о котором говорил Моисей. И земля Мемфиса не может быть названа соседнею с Палестинскою (*яко близъ быше*)» (III, 17—19).

Потом автор определяет положение Веельсенфона в подтверждение своему мнению и приводит много других доказательств, его подкрепляющих. Место не позволяет нам приводить в других случаях выписок из новейших европейских исследователей, посетивших святую землю после А. С. Норова и принимающих мнения, им высказанные, но мы хотим представить хотя один пример того, до какой степени признаны последующими учеными открытия, сделанные русским ученым, и потому приводим по изданию, вышедшему в нынешнем году, следующее место из «Библейских исследований в Палестине» и пр. Робинсона и Смита, замечательнейшего из новых трудов по географии Палестины:

«Обозрение местности убедило нас, что ни от какого пункта близ Гелиополя или Каира (т. е. в окрестностях Мемфиса) невозможно достичь Черного моря в три дня пути, о котором говорит библия. И расстояние, и совершенный недостаток воды по этим дорогам делают невозможным предположение, нами отвергаемое (т. е. что израильтяне вышли из Мемфиса). Мы читаем, что из Египта вышли шестьсот тысяч мужей, старше двадцати лет; конечно, столько же было с ними и взрослых женщин и, по крайней мере, еще столько же детей, юношей и девиц моложе двадцати лет; кроме того, было множество рабов с огромными стадами скота. Итак, все число израильтян не могло быть менее двух миллионов. Обыкновенный дневной путь самого крепкого и снабженного всем войска полагается не более, как в двенадцать английских географических миль (которых считается 60 в градусах; *итак, 22 версты в день*); в Пруссии дневной марш войска полагается не более трех немецких миль (*21 верста*); и притом через каждые три дня войско необходимо должно иметь день отдыха. Невозможно предполагать, чтоб израильтяне с женами, детьми и стадами были в состоянии проходить в сутки большее расстояние. А по всем путям от Гелиополя (*близ Мемфиса*) или Мемфиса до Черного моря расстояние не менее шестидесяти английских географических миль (*105 верст*) — чего никак не могли перейти они менее, нежели в пять дней.

Препятствие, происходящее от недостатка воды для людей, израильтяне могли бы устранить, взяв запас воды из Нила, как ныне делают караваны. Но фараон тем же путем преследовал их с огромным количеством лошадей,

колесниц и конного войска, — а это было бы невозможно ни по одной из дорог, ведущих от Каира к Чермному морю. Правда, и ныне берут иногда с собою лошадей, но для них берут и огромный запас воды, какой до крайности обременил бы фараона — по два меха для лошади; шесть таких мехов составляют вьюк верблюда, следовательно, на каждых трех лошадей необходимо брать верблюда с водою. И при всем том часто лошади падают, не перенося этого пути. Что касается израильских стад, то овец и коз было бы еще можно гнать этою дорогою; но для стад рогатого скота был бы нужен такой же огромный запас воды, как и для лошадей» (часть I, стр. 82—83).

На основании этих соображений и определения местностей, подобного тому, какое встречаем у русского ученого, Робинсон и Смит заключают, что исходным пунктом израильтян должно принимать Цоан. В параллель всем последующим выпискам нашим из «Путешествия по святой земле», мы точно так же могли бы привести подобные места из исследований, изданных после этой книги немецкими и английскими учеными, и показать, как оправдываются новейшею наукою мнения, принимаемые русским исследователем; но, повторяем, этого не позволяет нам место, и мы должны ограничиться одним примером, представленным выше, позволяя себе только еще два или три раза впоследствии сослаться на Робинсона и Смита, а в большей части случаев не приводя и этих цитат, чтоб не увеличивать объема нашей статьи. Изложенное выше мнение об исходе израильтян из Цоана, а не Мемфиса, необходимо заставляет нас возвратиться к мнению ученого автора, что во время Моисея столицею Египта была не Мемфис, как обыкновенно думали, а Цоан. Вот доказательства, которыми подтверждает он этот чрезвычайно важный для истории факт:

«Из священных писателей о Мемфисе упоминает первый Исаия, а из языческих — Иродот. Если б Мемфис был при Моисее столицею Египта, то, конечно б, священные книги древнее Исаии упомянули о нем; к тому же сам Моисей в книге Числ указывает на Цоан, как на главный город Египта, а впоследствии и божественный песнопевец Давид в псалме LXXVII, 13, где самое выражение: *поле Цоан* обозначает плоскую местность. Ныне доказано, что исход израильтян последовал во время владычества XIX династии, а эта династия была не мемфисская, а танетийская» (т. е. цоанская, потому что *Танет* другое имя *Цоана*) (III, 10—11).

Точно так же Робинсон и Смит (часть I, стр. 88) доказывают, что двор фараона, современного Моисею, был в Цоане. Точно так же принимается ныне всеми учеными мнение русского путешественника, что земля Гесем или Гошен, которая была отдана израильтянам в Египте, лежала при озере Мензале, по пелузийскому рукаву Нила, где теперь провинция Эль-Шаркийе, самая богатая из всех областей нынешнего Египта («Путеш. по Египту» I, 269 и след. «Путеш. по св. земле» III, 19. Робинсон и Смит, часть I, стр. 84 и след.).

Через Суэзский перешеек, описание которого оживлено картинами жизни бедуинов, автор достигает земли обетованной, юго-восточные границы которой весьма точно определяет при помощи

библии; видит Газу, с воспоминаниями о Сампсоне, Аскалон, равно знаменитый во время могущества филистимлян и в период крестовых походов; повсюду припоминает библейские пророчества, славные события истории, и таким образом доходит до местности, где должно искать Аккарона, одного из главных городов филистимских, положение которого оставалось неизвестно прежним ученым. Соображая указания библии, ученый исследователь приходит к заключению, что древний Аккарон — нынешнее селение Барга, лежащее между Азотом и Иемне. Робинсон и Смит определяют положение Аккарона также между Азотом и Иемне (Робинс., часть III, стр. 231). Наконец, на вербную субботу достигает он цели благочестивого своего странствования — Иерусалима, которому посвящена большая половина первой части путешествия; не говоря уж о подробном и точном описании города, о прекрасном очерке его истории, скажем, что автор посещает все окрестности и повсюду объясняет затруднявшие предшественников его местности; с благоговейным одушевлением повествует он о страстной седмице и торжестве пасхи. По нашему плану, мы не можем следить за автором в этом обозрении; но не можем не выписать, по крайней мере, двух мест: рассказа о впечатлении, какое производит первый взгляд на храм гроба господня, и описания Омаровой мечети, занимающей местность храма Соломонова, которой никто из русских не видел до А. С. Норова, которой не видел почти никто и из других христианских путешественников, а из видевших никто не описал с такою точностью.

«Среди тишины темной ночи я приступил в первый раз к величественному преддверию храма гроба господня; обе половины огромных ворот были открыты настежь. Бесчисленные огни свечей блистали перед большими стеновыми иконами, изображающими снятие со креста и погребение спасителя. Тотчас при входе, в ложе привратника, я увидел сидящих, поджав ноги, турок, с трубками во рту и играющих в шахматы; — мое сердце сжалось грустью; — толпа расступилась перед нашим янычаром, — и в нескольких шагах от нас лежал на помосте камень, одетый желтым мрамором и окруженный большими свечами, — это тот самый, на котором благообразный Иосиф облакал в плащаницу снятое со креста тело Иисусово. — «Господи!» сказал я невольно, пав ниц со слезами — «страдания твои еще не прекратились! Крещенные во святое имя твое и искупленные тобою владеют этим миром, а нечестивые стерегут святилища твои!»

Но христиане не должны смущаться, что такие великие святыни находятся в унижении языческом: — спаситель мира и себя подвергнул на земле тяжким страданиям. В смятении чувств, я не помню, как я дошел до гроба спасителя; — тут я дышал свободнее — отдельный придел скрывает погребальный вертеп господна...» (III, 90—91).

«Самые следы чудесного храма Соломонова стерты с лица земли... На этом священном месте возвышается теперь великолепная мечеть Омарова; она занимает в ряду восточных зданий то же место, которое имеет Пантеон в классической архитектуре. Мечеть Омарова в Иерусалиме, называемая Эль-Сахара-л-лах, пользуется почти одинаковою знаменитостью на Востоке, как и мечети Мединны и Мекки. Магомет в первые годы издания корана повелевал, чтобы мусульмане во время молитв своих обращались к мечети

Иерусалимской. Вход в нее воспрещен христианам под смертною казнью. Сидней Смит, защитник мусульман противу французов во время экспедиции Бонапарте, не мог найти способа проникнуть туда. Даже до сей поры, когда влияние европейцев на Востоке сделалось так сильно, мы знаем о внутренности мечети Омаровой только по неверному описанию Али-бея (*испанского ренегата*)... Госпожа Бельзони, переодетая в мусульманское платье, в 1818 году, быстро пробежала часть мечети Омаровой, волнуемая страхом, и все, что сказала о ней, также совершенно неверно. Но то, что мы знаем положительного об этой мечети, заимствовано у медика Ричардсона, который видел эту мечеть тайне, находясь в служении при Муселиме иерусалимском. Я имел случай осмотреть... мечеть Омарову, аль-Сахару. Мое описание не может быть обстоятельно, потому что в один час времени я не мог вникать в подробности, но, по крайней мере, оно будет верно. Скажу прежде о случае, доставившем мне туда вход. — В бытность мою в Египте я пользовался благосклонностью Мегмета-Али. Я получил от него... письмо к паше Сирийскому Шерифу, его зятю. По счастливому стечению обстоятельств Шериф-паша во время моего пребывания в Иерусалиме прибыл туда... Не желая, чтоб он отказал мне в чем бы то ни было лично, я послал... моего драгомана выхлопотать от паши разрешение на вход в мечеть Омарову. Шериф-паша представлял ему все трудности и опасности, сопряженные с исполнением нашего желания, хотел сзывать на совет шейхов иерусалимских, желая сложить на них успех; но мой драгоман, зная, что в письме Мегмета-Али к Шерифу было употреблено выражение: «выполнить все, чего душа моя пожелает», пребыл настойчив. Положено было, что на следующий день, рано поутру, кавас паши Сирийского явится к нам с повелением имаму мечети Омаровой; мы вместе с тем нас просили скрыть несколько наш европейский костюм под восточную одежду. Никогда не было примера такого почти официального дозволения, и, без сомнения, мы одолжены за этот успех могущественному действию имени русских. Кавас явился к положенному часу... Некоторые из нас были одеты совершенно по-восточному, но если кто из нас менее всех походил на мусульманина, то это, конечно, я: на европейское мое платье был накинута нараспашку армянский халат, а на голове моей, вместо чалмы или фески, была моя старослуживая военная фуражка. Люди наши, на всякий случай, были хорошо вооружены... Мы вступили под свод грозных для христиан ворот; они занимают место тех... где апостолы Петр и Иоанн исцелили хромого... Мусульмане из особенного предпочтения к этим воротам всегда освещают их лампами... Оставя в воротах туфли, мы вступили на мраморный помост обширного двора. Этот помост имеет, как полагают, 1000 футов в длину и 500 в ширину и весь устлан плитами белого мрамора... Середина этой мраморной площадки занята четверостороннею платформою, возвышающеюся ступеней на 20, также из белого мрамора. Туда ведут с каждой стороны крыльца, украшенные роскошными портиками. Посреди этой платформы отделяется еще другая, о семи или восьми ступенях, и на ней уже возвышается осьмиугольный храм, исполненный зодческой гармонии. Купол, самой чистой сферической пропорции, основан на восьмиугольном фронаре и слит с ним в прямую линию; он увенчан золотым полумесяцем. Стены одеты разноцветною узорчатою кафелью, которая отливается синим цветом; во многих местах цветочные узоры искусно слиты с позолоченными изречениями корана. Несколько фонтанов, под красивыми куполами на легких колоннах, льстят слуху своим журчаньем под жарким небом. Разбросанные группы кипарисов, лавров и померанцев вырываются кое-где из скажин мраморных плит... Я не видел внутренности Золотых ворот оттого, что не знал, что туда есть вход; говорят, что они замечательны. Предание, что в эти ворота войдет христианский победитель мусульман, глубоко вкоренено в здешних жителях. На этом предположении Золотые ворота закладывают еще при Омаре... Они были наружными вратами храма или притвора Соломонова... Неподалеку от Золотых ворот, при повороте городской стены от востока на юг, показывают в ней мусульмане большой камень, говоря, что он принадлежал трону Соломонову... Против восточных дверей храма по-

строен мраморный водоем особенной красоты. Он имеет также форму осьмиугольника; своды его, покрытые подобным куполом, как на мечети, поддерживаны кругом двойным рядом легких коринфических колонн. Это место называют тронем или судилищем Давидовым. Мы вошли в эль-Сахару через северные двери, которые называются Бабуль Джинна, т. е. двери рая. Южные двери называются «двери молитвы», восточные — «Давидовы»; западные — «двери войны». Все они были тогда растворены; но темный свет, падающий сквозь разноцветные стекла из семи окон купола, разливал необыкновенную таинственность на предметы. Два круга колонн из разного мрамора, с позолоченными капителями, поддерживают арки потолка: они, конечно, принадлежали зданиям древнего Иерусалима. Первый ряд, заключающий 16 колонн и 8 пиластров, идет вокруг стен, а второй ряд, имеющий 15 колонн и 4 тумбы, находится под самым основанием купола и имеет, по моему счету, 83 шага в окружности. Этот второй ряд колонн основан на небольшом подъеме и идет вокруг необделанного, огромного камня или скалы, обнесенной позолоченною решеткою. Длина этой скалы — во весь диаметр купола; ширина — менее, а высота превосходит человеческий рост. Эта скала составляет святилище храма; весь Восток имеет к ней глубокое благоговение и по ней называется мечеть эль-Гаджара Сахар-лах, т. е. мечетью божественного камня... Есть предание, что этот камень перенесен сюда из Вефиля... что на этом камне опочил Иаков, когда он видел во сне небесную лестницу, и что на нем был утвержден кивот завета... По словам имама, камень этот упал с неба... Под камнем есть спуск в пещеру; перед входом туда стоят прислоненные к камню и к решетке разные хоругви. Тут шит Магомета, зная и огромный меч Али; но тут же и копье Давидово. Тут же, на камне, лежит подлинная рукопись корана... При сходе в пещеру камень поддержан с двух краев двумя малыми колоннами из белого мрамора; они утверждены косвенно в пол и в камень. Эти колонны, по мнению магометан, должны раздавить всякого христианина, держащего ступить между ними; несмотря на то, мы спустились в пещеру по восьми или девяти ступеням, также из белого мрамора. Эта пещера, называемая магометанами «сходом в подземное царство душ», есть не что иное, как квадратная комната, шагов в восемь пространства и немного выше человеческого роста. Она грубо оштукатурена, кроме потолка, который образован камнем. «Не думайте, — сказал мне имам, — чтобы стены поддерживали этот камень, нет, он держится сам собою, а стены служат только для образования пещеры». Эти слова объясняют столь известную басню о камне, державшемся на воздухе... Внутри мечети расточены кафельные украшения, вместе с мрамором, который похищен из храма гроба господня. На кафедрах блестящие кафели представляют вид драгоценных камней... Мусульмане уверены, что если бы христианин, вошедший в эль-Сахару, стал молить бога об уничтожении исламизма, то он услышал бы его. Вероятно, они основывают такое мнение на сказанном в книге Паралипоменон о посвящении храма Соломоном: «и явился господь Соломону нощию и рече ему: избрах место сие мне в доме жертвы... И ныне очи мои будут отверсты и уши мои послушны к молению места сего». Но судьбы божии совершаются! с каждым днем времена язычников скончаваются; невнятный слух, пагубный предвестник падения царств, быстро распространяется от Каспийского моря до Южного океана, среди последователей Магомета — и запустение водворяется в разрушающихся капищах Ваала...» (III, 270—292).

Читатели извинят нас за то, что мы нарушили стройность этого последнего описания, принуждены будучи опустить большую часть исторических воспоминаний, возбуждаемых Соломоновым храмом, и высказанных с истинно-поэтическим одушевлением: мы желали, по крайней мере, передать существенное и необходимость заставляла нас ограничиться только извлечением из обширного

рассказа, занимающего целую главу. Первым местом, куда направился путешественник из Иерусалима, был Вифлеем. И здесь, как везде, он записывает предания, бывшие до него неизвестными, находит предметы, не замеченные другими, не столь пронизательными или не столь счастливыми путешественниками.

«Высота, находящаяся на левой стороне от дороги (из Иерусалима в Вифлеем), называется горою патриарха Иакова; а еще левее, совсем в стороне от дороги, находится выдолбленный камень; в простонародьи говорят, что тут пресвятая дева часто отдыхала с младенцем Иисусом. Об этом камне я доселе не читал ни в одном из путешественников. Ныне я нахожу в путешествии Даниила Игумена указание на самый этот камень. Когда мы вспомним, что Даниил путешествовал в начале XII века, то нельзя не удивляться чудному сбережению сего камня, лежащего на распутии; это даст нам меру того уважения, которое сохраняют жители Палестины к предметам, с которыми хотя несколько соединены священные предания» (III, 385—386).

Прилагая рисунок этого замечательного открытия, автор говорит, что некогда камень был принадлежностью терм. Потом он определяет местность «горняго града иудина», находя, что это Иута или Иетте (III, 390), и поправляя ошибку Робинсона. Вторая поездка его из Иерусалима в Вефиль, которого не посещал ни один известный путешественник, поэтому описание Вефиля (IV, 13—17) первое в науке; на пути автор определяет неизвестное прежде положение Рамы (впоследствии Робинсон определяет ее подобным же образом), отыскивает там надгробный памятник, который, быть может, есть гробница Самуила, потом находит Гаваон (ныне Эль-Бир), знаменитый чудом Иисуса Навина, — все эти местности не были прежде определены или определялись ошибочно. Третья поездка автора из Иерусалима в Вифанию, Иерихон, к Мертвому морю, в обитель св. Саввы, где находит он драгоценные славянские рукописи, которые привозит в отечество. Пятую поездку из Иерусалима было путешествие в Хеврон; отсюда путешественник опять возвращается в Иерусалим, чтоб проститься с местом, освященным страданиями спасителя, направляясь в Галилею. На пути этом он определяет местность Эмауса, Кариаф-иарима, Силома, описывает Яфу, Наблус, Сихем, Самарию, Фавор и, наконец, Назарет, в одном из храмов которого замечает надпрестольный образ нерукотворенного лика спасителя. По преданиям назаретским, этот образ — список с образа, принесенного апостолом Фаддеем эдесскому царю Авгарю. Никто из предшествовавших русскому исследователю путешественников не писал еще об этой драгоценности; он делает снимок с образа, приложенный к первому изданию книги; потом, обозревая берега озера Тивериадского или Геннисаретского, исправляет ошибки других изыскателей и точным образом определяет местность Геннисарета и Капернаума; посещает Кану Галилейскую, гору Кармил, Акру, Тир и, наконец, Сидон, границу земли обетованной, повсюду в прекрасных очерках припоминая библейские события и рассказывая славные исторические воспоминания.

«Здесь я оканчиваю мое путешествие по святой земле (воскликает благочестивый ученый, покидая Сидон и отправляясь в Малую Азию). Иерусалим, бедный, дикий, разрушенный, пастушеский Вифлеем, забытый в горных ущельях Назарет, разбросанные груды городов израильских, заглушенные пути земли обетованной преисполнили все мои надежды! Увидев святую землю, я узнал всю тщету виденного мною доселе, и если б я начал свой путь на Восток с Палестины, то не поехал бы смотреть на колоссальное величие древних египтян!»

Мы видели, что каждый шаг ученого путешественника ознаменован услугами библейской географии, топографии, археологии; но автор оказывает также значительную услугу критической истории нашей древней литературы, приложив к своему сочинению «Замечания на путешествие игумена Даниила в XII-м веке». Всем известно, что хождение Даниила один из замечательнейших памятников древней русской литературы; но списки его, до нас дошедшие, очень поздны и искажены переписчиками. Для того, чтоб исправить ошибки, часто очень затруднительные, необходимо знание описываемых мест, и, конечно, только автор «Путешествия по святой земле», так подробно ее исследовавший по всем направлениям, мог исполнить необходимое, но трудное восстановление текста. Он говорит:

«Я несколько раз отказывался читать рассказ Даниила, находя в нем самые грубые географические и местные несообразности; но, уверенный в несомненности путешествия Даниила и проникнутый важностью столь древнего памятника, я, с помощью моего собственного путешествия, воспоминаний и некоторых древних источников, имел, наконец, утешение объяснить такие ошибки, вкравшиеся в книгу Даниила от невежественных переписчиков и даже приписчиков».

Надобно сказать, что это исправление во всех подробностях совершенно справедливо и обеспечивает достоверность показаний «Хождения», весь интерес которого раскрыл нам только автор «Путешествия по святой земле», постоянно приводя примеры, с какою точностью составлено это сказание, «гораздо более важное, чем бы можно было предполагать по его краткости».

Если «Путешествие по святой земле» было замечательнейшим сочинением в русской литературе, подобно той части «Путешествия по Египту и Нубии», в которой описывается Нижний и Средний Египет, то «Путешествие к Семи Церквам», подобно плаванью по Нилу в Верхний Египет и Нубию, было с тем вместе и первым во времени из русских описаний путешествий по обозреваемой автором земле. В самом деле, в русской литературе единственными книгами, заключавшими сведения о Малой Азии, до того времени были «Путешествие чрез Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж» г. Всеволожского и «Обозрение Малой Азии в нынешнем ее положении» г. Вронченко. Справедливость требует сказать, что обе эти книги прекрасны. Но г. Всеволожский на быстром пути своем

едва касается берегов Малой Азии, которой посвящает очень немного страниц. Огромный труд г. Вронченки был бы капитальным приобретением в литературе самой богатой; но, во-первых, он говорит только о настоящем положении Малой Азии; во-вторых, — что еще важнее, — он писан с целью собрать драгоценные материалы для специальных ученых, а вовсе не для чтения большинству публики; поэтому г. Вронченко придал своему сочинению форму, которая составляет принадлежность так называемых *Handbuch*’ов, недоступных для обыкновенного читателя. Самое уж оглавление книги его достаточно показывает это: сначала помещен краткий очерк границ страны, потом следуют рубрики «Частного обозрения». Отделение первое: I. Горы; II. Большие равнины; III. Реки; IV. Озера; V. Минеральные воды и т. д. Отделение второе: I. Свинцово-серебряные рудники; II. Медные рудники; III. Соль и т. д. Каждое подразделение состоит из отделов еще мельчайших, каждый отдел заключает в себе полный, драгоценный для ученого исследователя, но сухой список имен, тяжелый для обыкновенного читателя. Мы почитаем такую форму достоинством сочинения, совершенно соответствующего своей цели; но обширный круг публики не может пользоваться подобными книгами. Г. Вронченко некоторыми отделами своего труда (о нравах жителей) показывает, что владеет замечательным талантом рассказчика, но он справедливо предпочел сухую ученую форму, которая давала ему возможность не опустить ни одной подробности, мелочной для читателя, но существенной для географической полноты. Поэтому для большинства русской публики, повторяем, «Путешествие к Семи Церквям» было первою книгою о Малой Азии.

Как в Палестине, так и в Малой Азии путешественник на каждом шагу встречает местности, ознаменованные битвами крестоносцев; но здесь присоединяются к поэтическим воспоминаниям о них еще более поэтические воспоминания о славных событиях классической древности. Эти рассказы, благоговейные сказания о подвигах апостолов и их преемников, насадителей христианства в этой стране, откуда свет его распространился на Европу, история церкви в последующих веках, придают чрезвычайный интерес «Путешествию», которого разнообразие и занимательность еще более возвышаются живыми картинами чудной малоазийской природы и нравов разноплеменных жителей этой страны. И здесь ученость автора дает ему средства объяснить много вопросов, которые прежде были темными или понимались неправильно, заметить много нового, еще бывшего неизвестным; так, например, в Лаодикии находит он надпись, свидетельствующую о соборе, бывшем против ереси монтановой, около 321 года (стр. 66); лидийские надгробные курганы, прототип египетских пирамид, дают новое подтверждение мнению его, что египетские пирамиды, по крайней мере главные и древнейшие, были построены чужеземными завое-

вателями, которые долгое время владели Египтом (стр. 144), — чрезвычайно важное открытие, достоверность которого теперь подтверждается исследованиями Лепсиуса, разоблачающего загадки древнейшего периода египетской истории, оставшиеся тайною для Шампольона. Но мы не будем перечислять всех новых соображений и наблюдений, сделанных в Малой Азии ученым автором; обозревая путешествия «по Египту и Нубии» и «по святой земле», мы обращали преимущественно внимание на эту сторону трудов русского изыскателя; подобная же точка зрения должна по необходимости принадлежать анализу его исследования об Атлантиде; поэтому, обозревая «Путешествие к Семи Церквам», мы хотим ограничиться описательною и повествовательною стороною сочинения, столько же отличающегося достоинства изложения, сколько и учеными достоинствами.

Из Бейрута, мимо Кипра, плывет автор в Атталию на греческом торговом корабле «Пенелопе»; пассажиры подвергаются опасностям от корыстолюбия шкипера, который, по каким-то выгодным торговым сделкам, сходит на берег в Лимисоли, где свирепствует чума; в Атталии объявляют невинным пассажирам, что выход на берег воспрещен для них, потому что в городе этом чума; напрасно объясняют они, что в таком случае не могут быть они опасны для Атталии; напрасно автор изъявляет готовность выдерживать карантин для успокоения паша зачумленного города: странное запрещение не отменяется. Тогда путешественники выходят на берег насильно, разгоняя одним видом пистолетов толпу янычар, и паша, поняв после этого нелепость своего распоряжения, принимает их очень почтительно, даже радушно. Дорога из Атталии через Бурдур в Колоссы ужасна, но виды восхитительны.

«Я доселе не видывал ничего привлекательнее, ничего свежее, ничего живописнее роскошной долины, которая находится между исполинскими горами Баба-дагом и Хонас. К ней можно справедливо отнести изречение одного древнего писателя, что боги нарочно для нее раздвинули огромные горы (Aelian. III, 1). Здесь сила растительной природы является во всем ее могуществе. Редко можно видеть столь густые рощи, столь огромные развесистые деревья, такую яркость зелени на лугах, такую кристальную прозрачность в быстро текущих ручьях, такое разнообразие в отливах света, столько таинственных уединений для отдыха усталым путникам; самые скалы исполинских гор там, где они соединяются с долиною, теряют свою мрачность, одеваясь густою тканью яркозеленого плюща разных родов, и манят под свод своих пещер» (V, 51).

Лаодикия, Иераполис представляют грустное зрелище разрушения и нищеты, сменившей древнюю роскошь и великолепие; Филадельфия радуется христианина благочестием и гостеприимством своих жителей, которые мужественно защищали всегда свою пламенную веру во Христа; но от Сардиса осталось только имя. Вот отрывки из воспоминаний и впечатлений путника:

«С таким сердоболием сын человеческий, превечная истина, призывает лаодикийских христиан к покаянию! Лаодикийцы пребыли ни хладны, ни горячи. Но познавшие свет должны были принять осуждение, ибо нельзя

служить в одно время богу и идолу богатства — мамоне. Роскошь лаодикийцев достигла высшей степени; торговые обороты их города сделали его одним из главнейших в Азии; руно его стад затмило знаменитое руно милетское. Тацит говорит, что когда Лаодикия была разрушена землетрясением, жители отказались от помощи Рима и сами восстановили с прежним великолепием свой город. То же самое было, когда ее разрушил Митридат-Эвпатор; но золото лаодикийцев не было золото, очищенное огнем. Все сокровища не могли уж восстановить пышный город от повторенных ударов грома небесного; земля поглотила в последний раз почти весь город, и он уже не восстал более; звери и гады гнездятся теперь в его развалинах, исчезающих с лица земли» (V, 69—70).

«Почти при выезде из Лаодикии, проехав через Ликус по мосту, и даже с холмов, прилежащих к Лаодикии, открываются вам скалы Иераполиса; они удивляют взор своею безликою и своим странным образованием. Чем более вы к ним приближаетесь, тем непонятнее вам кажутся с первого взгляда эти скалы, образованные из белоснежных глыб и полос, резко отражающие лучи солнца; они представляют вид окаменелых водопадов, и действительно должно так их называть. На обширной платформе, которая образована уступом скал, процветал древний Иераполис или «священный город», так названный по тем феноменам, которые в этом месте представляет природа, и по большому количеству храмов, воздвигнутых в нем разным божествам. Эти храмы в страшном разрушении устилают всю местность города и их великодушные остатки рассеяны даже по скатам скал и в глубине оврагов, разметанные землетрясением. Один путешественник, пораженный величием этой картины, сказал, что этот город можно причислить не токмо к главным городам Востока, но даже и мира» (V, 81—82).

«Неподалеку от Иераполиса, оставя за собой селение Сарай-Кией, в обширной горной долине, мы проехали по мосту через реку Меандр, столь прославленную поэтами, столь известную своими бесконечными извилинами и как любимое пристанище лебедей. Влево рисовались хребты гор, продолжение Кадмуса; за ними, в оконечной перспективе, высились к облакам, как исполины, шпицы гор в разнообразных и самых живописных очерках. Извилины Меандра заставили поэтов сказать, что, глядя на него, нельзя угадать, куда он стремится: к устью ли в море или обратно к своему истоку. Плодотворение долин Меандра радует взор, особенно после мертвенности скал Иераполиса» (V, 99).

«Призвание сына человеческого, чрез св. Иоанна, глубоко врезано доселе в сердцах малого стада христиан этого города... «Вем твою дела; яко малу имаши силу и соблюл еси мое слово и не отверглся еси имени моего... И аз тя соблюду от години искушения. Побеждающему, сотворю столпа в церкви бога моего». Это воззвание одушевляет всенедвенную молитву христиан филладельфийских. Памятование сих глаголов было всегда щитом города противу варварских полчищ кирмийан под предводительством Алитира и потом противу страшнейших врагов, оттоманов, предводимых Орханом, сыном Оттомановым. Вся Малая Азия была уже покорена его мечу, одна Филадельфия, как бы сохраняя в себе залог всех семи Церквей Апокалипсиса, стояла непобедимо под знаменем креста. Цирк и три театра Лаодикии сделались логовищем шакалов и волков, Сардис стал ничтожною деревушкою, в Пергаме и Фиатире видны только одни мечети вместо памятников. Одна Филадельфия спаслась чрез свою твердость... Победоносный меч Баязета также долгое время притуплялся о стены Филадельфии. Доблестный защитник Филадельфии и некоторые из знатнейших граждан погибли от оттоманов, но город не был разорен. И даже, когда гроза своего века, Тамерлан, предавал огню и пламени весь Восток, смерти ангел, разрушения не коснулся Филадельфии, защищенной своим ангелом хранителем» (V, 102—106).

«По мере приближения к Сардису, вам открываются два высокие хребта живописных гор; первый ряд этих гор состоит из скал с разодранными шпицами, а вершины второго хребта правильно закруглены и увенчаны снегом. Разгромленные и покрытые прахом развалины Сардиса прислонены к

трем совоккупленным вместе горам Тмолуса. Стены города, от обрывистых высот, на одной из которых был Акрополис, или цитадель, сходили в три ряда в обширную равнину, омываемую золотосным Пактолом. На горизонте этих долин, к северу, встают огромные надгробные курганы царей сардисских — эти пирамиды варварских народов. Один из этих курганов высится, как исполин, над прочими. Таков первый вид места, где был Сардис, второй город по Риме своим великолепием и только уступавший Вавилону. Я глядел на картину его опустошения, сидя на мраморных ступенях амфитеатра, находящегося на полвысоте средней горы, куда я с трудом добрался по грудам поверженных зданий. То был храм Кивелы, матери богов, древнейший памятник ионического зодчества. Среди груд стен, карнизов, архитравов, капителей чистого белого мрамора встают только две величественные и громадные колонны; не только капители, образец изящного резца, но весь гармонический рисунок этих колонн приковывает к себе внимание набредшего на них путника... Я спустился в задумчивости от храма Кивелы к берегам Пактола искать отдохновения и пристанища от зноя, — и столица лидийская представила мне только несколько разодранных шатров кочующих туркоманов; они предложили мне козье молоко и пригоршню отрытых ими древних монет, которые все были времен римских кесарей; но тут не было ни одной греческой, ни одна из них не говорит уж о могущественном Крезе, но только о победителях его победителей, также давно сметенных с лица земли.

Quid tibi visa, Craesi regia Sardis?

Как нравится тебе столица Креза, Сарды?
Horat. Epist. 1. XI» (V, 118—122).

Может быть, бóльшая часть наших читателей назовет эти выписки совершенно излишними, потому что «Путешествие к Семи Церквам» точно так же, как и Путешествия «по святой земле» и «по Египту и Нубии», давно уж известно всей публике, давно уж оценено, подобно этим «Путешествиям», которые были приняты с таким живейшим сочувствием. Поэтому не увеличиваем числа наших заимствований, не следуем за автором в Смирну, Пергам, Эфес и Патмос, столь богатые классическими и христианскими воспоминаниями, доставляющими русскому путешественнику столько прекрасных страниц, и спешим перейти к изложению его «Исследования об Атлантиде», которое первоначально составляло одну из глав его «Путешествия к Семи Церквам», но потом, при увеличении объема новыми изысканиями, составило особенный обширный трактат, напечатанный в виде приложения к этому путешествию.

Вот по переводу автора, в извлечении, знаменитый рассказ Платона об этой славной в доисторическое время земле, вопрос о положении которой так занимает всех исследователей древнейшей истории и географии. Когда Солон был в Саисе, жрецы египетские удивили его своими рассказами о событиях глубокой древности, неизвестных грекам; Солон сказал своим учителям, что древнейшие греческие предания не простираются далее времен потопа, бывшего при Девкалионе и Пирре:

«Тогда один из старейших жрецов сказал ему: О, Солон, Солон, вы, греки — дети; у греков нет ни одного старца! Вы все новички относительно древности, и вам ничего неизвестно, что было древле, как здесь, так и у вас. Вы ничего не знаете о прекрасном поколении людей, ваших родоначальников.

Наши скрижали свидетельствуют, как ваш народ устоял противу усилий мощного народа, напавшего несправедливо на всю Европу и Азию и пришедшего с Атлантического моря, которое тогда могло быть проходимо в брод. Оно имело остров противу устья, которое вы на своем языке называете «Иракловы колонны». Сам же остров был пространнее, чем Азия и Ливия вместе. В названном нами острове, Атлантиде, были цари, имевшие власть могущественную, которая распространялась и на другие острова и части материка. Сверх того, они владычествовали внутри Ливии до Египта, а в Европе до Тиррении. Их силы покусились покорить разом вашу и нашу землю. Тогда афиняне приняли предводительство над эллинами и восторжествовали над своими противниками, оградив таким образом многих от порабощения, и нам, живущим внутри пределов Иракловых, даровали свободу. Но случившиеся после того землетрясения и наводнения поглотили в один день и в одну ужасную ночь все ваше воинство и вместе с тем остров Атлантида погрузился в море и исчез. От этого море на том месте сделалось неудобным для мореплавания от ила и отмелей, которые оставил по себе погрузившийся остров» (Платон, в «Тимее»).

В другом разговоре, «Критий», возвращаясь к тому же рассказу, Платон заставляет Солона прибавлять, между прочим, что Аттика в древности была несравненно больше, нежели в их время, потому что большая половина ее погружена в море в одно время с Атлантидою, вследствие того же самого переворота, и что Атлантида простиралась в длину на 3 000 стадий (500 верст), а в ширину на 2 000 стадий (340 верст). Обыкновенно полагали, что Платон помещает Атлантиду на нашем Атлантическом океане; одни ученые думали, что это был обширный материк у западного берега Африки, следами которого остались Канарские острова; другие даже хотели видеть в нем Америку и под погибелью Атлантиды понимать прекращение плаваний в эту отдаленную страну. Основанием такому предположению служили имена «Геркулесовы столбы» и «Атлантическое море», которые, без точнейшего исследования, понимались в том самом смысле, какой имели они у позднейших классических писателей и сохранили доньше. Но из такого предположения рождаются необъяснимые несообразности. Теперь известно, что в глубокой древности ни греки, ни египтяне не могли иметь преданий о морях и землях за Гибралтарским проливом; что сами карфагеняне начали плавать далее Гибралтара уж очень поздно: как же Атлантида, предания о которой древнее девкалионова потопы, могла лежать за Гибралтаром? И если она лежала на нынешнем Атлантическом океане, то как же можно было придумать, что с этого острова переходили в брод в Египет и в Аттику? Это можно сказать только о близком острове, лежащем где-нибудь на восточной части Средиземного моря; и как же погружение Атлантиды и части Аттики считать соприкасающимися явлениями, если эти страны разделял весь материк Европы и Африки, все Средиземное море? Читатель, самый твердый в прежнем мнении, относившем Атлантиду за Гибралтар, признает эти трудности необъяснимыми при своей гипотезе, и согласится, что они прекрасно разрешаются исследованием глубокомысленного автора. Прежде всего внимем в значе-

ные географических имен, употребляемых Солоном и египетскими жрецами.

Надобно знать, что гигант Атлас, от которого названо Атлантическое море, уж позже перенесен в Западную Ливию; гораздо древнее предание, что Атлас жил в Египте и учил египтян астрономии; Павзаний говорит также об Атласе в иотийском, в Греции; Эфиопия в древнейшее время называлась Атлантия. Атлас был сын Азии (Азией в древности называлась исключительно часть Малой Азии). Итак, Атлантическим морем должно было называться в глубочайшей древности Средиземное и только впоследствии, при расширении географических познаний, перенесено было это имя на тот океан, который называется ныне Атлантическим.

Точно так же и столбы Геркулесовы стали означать гibraltarские скалы уж впоследствии времени; прежде «Столбами Геркулесовыми» называлось главное западное устье Нила, где был геркулесов город и храм (Гераклеум). Еще вероятнее, что под «Столбами Геркулесовыми» надобно понимать скалы Босфора, которые по первоначальному преданию были пределом странствий Геркулеса; во всяком случае, первоначально относилось это имя к местности на восточной части Средиземного моря и только впоследствии, с распространением географических познаний, было перенесено на Гибралтар, подобно тому, как на запад перенесены были гигант и гора Атлас и Атлантическое море. Примеров подобного перенесения множество. Укажем совершенно подобные отношения древнейшей и последующей Гесперии, Макарийских островов, входа в плутоново царство и проч.: все эти имена постепенно отдалялись на запад из восточной части Средиземного моря.

Прибавим, что, по древнему преданию, Европа и Африка считались одним материком. Вот, наконец, предания, прямо говорящие о погружении в море материка, лежавшего между Европою, Азией и Африкою в восточной части Средиземного моря.

Плиний рассказывает, что Кипр соединялся в древности с материком Сирии. Солон говорит, что от Киликии до Египта была земля. Масуди (арабский географ) рассказывает предание, что из Египта на остров Кипр можно было переходить в брод, а потом море затопило северную часть Египта (где ныне озеро Мензале). Другой арабский писатель, Якут, сообщает предание, что море затопило часть Греции, Сирии и многие земли около них; возвышенности затопленных стран кажутся ныне островами восточной части Средиземного моря. У Диодора Сицилийского также говорится, что море затопило большое пространство материка Азии и низменные долины Самофракии. Наконец, арабский писатель Эль-Бируни сообщает, что между Александриею и Константинополем была земля. Конечно, эти свидетельства и доказательства развиваются автором несравненно убедительнее, нежели в нашем кратком перечислении; сверх того, мы по необходимости привели,

может быть, только десятую часть доказательств, представляемых в его разыскании; тем не менее, мы уверены, что даже после этого краткого и неполного перечня все читатели согласятся, что автор имеет на своей стороне всю вероятность, когда говорит:

«Атлантида, по нашему предположению, занимала все пространство Средиземного моря от острова Кипра до Сицилии, возле которой на север было Тирренское море и Тиррения. Это пространство совершенно соответствует тому, которое Платон определяет для Атлантиды, именно, 3 000 стадий в длину и 2 000 в ширину».

Нельзя не согласиться, что это «Исследование» удовлетворительнейшим образом разрешает столь затруднявший всех объяснителей вопрос о положении «Платоновой Атлантиды» и тем оказывает важную услугу древнейшей географии.

Заключаем наш обзор, слишком краткий в сравнении с тем, какого требовали бы ученое достоинство и живая занимательность «Путешествий» автора, давшего русской публике замечательнейшие описания святой земли и Нижнего Египта, первые и столь же замечательные описания Верхнего Египта, Нубии и Малой Азии. Несмотря на свою недостаточность, обозрение наше до некоторой степени показало, однакож, какое место не только в русской, но и вообще в европейской литературе занимают эти труды, насколько они двинули науку вперед и с какою верностью представили решение многих важнейших и затруднительнейших вопросов древней истории, географии и археологии.